

Ю. Р. Зарипова

НАРУШЕНИЕ ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА ПОДРОСТКОВ - ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКОГО ДОМА

Работа представлена кафедрой специальной психологии

Международного университета семьи и ребенка им. Р. Валленберга.

Научный руководитель - доктор психологических наук, профессор С. Т. Посохова

Статья посвящена изучению взаимосвязи доверительных отношений и травматического опыта подростков, воспитывающихся в детском доме. Отмечаются факторы, искажающие доверие в результате травматического опыта.

The article covers the interaction between trust relationship and traumatic experience among children's home adolescent inmates. The author notices some factors that misrepresent trust after traumatic experience.

Традиционно доверие рассматривается как важный компонент общения, определяющий содержание и направленность межличностных отношений и взаимодействий. Несмотря на это, редко встречаются работы, в которых доверие выступало бы в качестве самостоятельного предмета исследования, в частности, малоизученной проблемой является нарушение доверительных отношений как проявление травматического опыта воспитанников детского дома.

Доверие как психологическое состояние личности может возникать при слиянии воедино ряда факторов: интересов данного человека, его установок, эмоциональных реакций, предыдущего собственного опыта или опыта предшествующих поколений, адаптивных способностей личности, уровня интеллектуального развития и т. д. Этимологически «питать доверие» (в латинском языке - *credo*) означает «сердце даю» или «сердце кладу». Доверие возникает в круговороте общения между людьми, т. е. не является врожденным. Говорить с кем-то - это уже означает проявлять ту или иную степень доверия. Известно, что чем выше доверие, тем больше разочарование. Завоевать, внушить доверие трудно, а лишиться его можно в одночасье, мгновенно.

Как очевидно, доверие наиболее тесно связано с верой. Размышления о роли веры в воспитании детей С. Соловейчика¹ представляют большой философский интерес, имеют важное мировоззренческое и практическое значение в понимании феномена доверия у детей-сирот. Поэтому возникает необходимость рассматривать понятия веры, доверия как центральные в области личностного развития детей, поскольку вера и доверие вместе с надеждой и любовью являются высшими душевными качествами и ценностями человека.

Так, например, ценность любви обусловлена способностью личности к построению доверительных отношений. Человек, способный любить, сначала и безусловно доверяет другому. Доверие по самой своей сути не основано на проверке и не может явиться ее результатом. Это и есть талант любви. Если один человек сначала проверяет другого, перед тем как решиться доверять ему, то они никогда не смогут полюбить друг друга².

Воспитатели, педагоги, родители, психологи не могут требовать доверия от подростков - воспитанников детского дома, но они могут его создать. Ключ к доверию - опыт ребенка. Собственный опыт позволяет правильнее понять и вообразить опыт

других людей и использовать его для лучшего познания самого себя. Благоприятный микроклимат, заряженный положительными эмоциями и оптимистическим взглядом на жизнь, помогает каждому ребенку чувствовать себя менее тревожно, быть расположенным к другим людям, лучше принимать внешние воздействия.

Связывая трудности воспитания детей с тем, что дети не доверяют взрослым, не верят их словам, а часто и вообще ни во что не верят, С. Соловейчик видит задачу воспитания в том, чтобы научить ребенка трудом души поддерживать веру в людей, в правду, в жизнь, в добро, не впадать в безверие, не падать духом.

В отечественной психологии доверие упоминалось в контексте таких феноменов, как дружба (И. С. Кон, В. А. Лосенков, А. В. Мудрик, В. Н. Мясищев, И. С. Полонский); авторитетность (М. Ю. Кондратьев); внушаемость (В. М. Бехтерев, А. С. Кондратьева, В. С. Кравков, В. Н. Куликов, К. К. Плотонов, И. Е. Шварц); значимые другие (В. Н. Князев, А. А. Кроник, Е. А. Кроник, Е. А. Хорошилова); внутригрупповая сплоченность (Л. Э. Комарова); кооперативное поведение (А. И. Донцов)¹. Анализ работ перечисленных авторов дает возможность составить представление о проявлениях доверительных отношений подростков - воспитанников детского дома.

В зарубежной психологии доверие во взаимоотношениях людей - предмет исследования многих авторов, работающих в разных концептуальных направлениях. Авторы исследований придают исключительное значение социальным аспектам доверия, так как считают, что «базовое доверие-стержневой элемент социального и психологического благополучия индивида и общества, который можно определить как уверенность (индивида, группы, сообщества, нации) в том, что окружающий мир и его обитатели не намерены причинить вред»⁴.

Э. Эриксон⁵ впервые выделил доверие человека к миру как базовую установку

личности, связанную со становлением идентичности и формирующуюся на самых ранних этапах онтогенеза. Базовое доверие понимается в качестве фундаментальной установки человека, которая формируется на первом году жизни и во многом предопределяет дальнейшее психическое развитие ребенка и его взаимодействие с миром. Образование базового доверия ребенка происходит на основе чувства безопасности и защищенности, возникающих в результате установления определенного типа привязанности ребенка к значимым взрослым (как правило, матери). Устойчивая тенденция к доверию во взрослом возрасте понимается как подражание этим архаическим формам зависимости, привязанности. Чувство глубокого доверия к себе, к людям, к миру - это краеугольный камень здоровой личности. Впервые возникнув на ранних стадиях онтогенеза, доверие к миру не может быть устойчивым образованием личности. Доверие продолжает развиваться, видоизменяться, наполняться новым содержанием и переходить в свою противоположность в зависимости от меняющихся условий жизни человека и приобретаемого опыта.

Травматический опыт может выступать как фактор, искажающий доверительные отношения. Особенно остро эта проблема проявляется в детском доме.

Условия интернатного учреждения, зачастую несоответствующие детским потребностям, глубоко затрагивают психику ребенка, приводя к травматизации. Психическая травма часто разрушает привычный мир ребенка, превращая его жизнь в хаос. «Ребенок, переживший хаос, теряет доверие»⁶.

Воспитанники детского дома неоднократно оказывались в ситуациях переживания потери: смерть матери или разлука с ней и семьей, перевод из одного детского дома в другой, когда рвутся связи с привычным местом, вещами, людьми, когда возникает ощущение дискретности собственной жизни. Подобный травматический опыт может закрепиться в сознании

ребенка, вызывая повторяющиеся отрицание и устойчивое недоверие. Отрицание или игнорирование психотравмирующих ситуаций прошлого может затруднить процесс адаптации в новой коммуникативной среде, и возможно нежелание принять новый образ жизни, ради которого требуется отказаться от личностных ценностей и привычных способов поведения. Фиксация на негативном опыте, связанная с жестоким обращением, насилием, эмоциональным отвержением, у воспитанников детского дома усиливает травматизацию. Можно согласиться с тем, что «травмированная психика продолжает травмировать саму себя. Люди, перенесшие психическую травму, постоянно обнаруживают себя в жизненных ситуациях, в которых они подвергаются повторной травматизации»⁷.

Вполне понятно, что воспитанники детского дома стараются «не ворошить прошлое», которое наполнено для них болью. Следуя принципу избегания боли, подросток стремится сохранить информацию в бессознательной форме, однако, согласно тенденции к завершению, травматическая информация становится осознанной как часть процесса информационной обработки опыта. Кроме того, травматический опыт в виде страхов и недоверия привносится в отношения с другими людьми. Живя в условиях коллективного воспитания, дети приобретают недостаточный опыт самоопределения, самостоятельного выбора целей и оценки своих возможностей. Ответственность за свою жизнь нарастает в момент выхода из детского дома. Они остро начинают чувствовать себя «отвергнутыми», «никому не нужными». Не-

умение прислушаться к своим потребностям и определять свои цели и жизненные пути приводит к тому, что жизненный путь выпускника сиротского учреждения складывается стихийно и часто не лучшим для него образом.

Отсутствие достаточных знаний, критического опыта у воспитанников детского дома порождает легковерие. Легковерие - это готовность верить всему без обстоятельных доводов, размышлений, без духовного напряжения, без четкого осмысления. Человек верит без всякого исследования в самые невозможные вещи в силу своего простодушия, в силу того, что не видит границ своего внутреннего «Я». Опасность легковерия заключается в том, что оно ведет к заблуждению, обману и самообману, вызывая в сознании негативные ценностные перестройки. В толковом словаре И. Даля по этому поводу приводится поговорка, выражающая народную мудрость: «Кто легко верит, тот легко и погибает»⁸. Легковерие как тип мышления многих детей-сирот характеризуется чрезмерной и некритической доверчивостью при оценке фактов и явлений, особенно если это необычные факты и явления.

Атмосфера доверия, социальная, нравственная среда, в которой обитает ребенок, оказывает значительное влияние на формирование и укрепление его жизненных ценностей. Вместе с тем противоречия социального окружения, эмоциональное отвержение, унижения, жестокость, влияющие на ребенка, могут подорвать еще слабое детское доверие. Это болезненно отражается на его личностном развитии, вызывает внутренние надломы и наполняет пессимизмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Соловейчик С. «Агу» и «Бука» // Новый мир. 1985. № 3.
- ² Красичо А. И. Психологическое консультирование посттравматических состояний. М., 2004.
- ³ Скрипкина Т. П. Психология доверия. М., 2000.
- * Праворотова Т. А., Говир Т. Недоверие как практическая проблема // Социология. 1994. № 3. С. 94-95.
- ⁵ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М., 1996.
- ⁶ Vaily L. L'enfant, le trauma et la guerre // Journal Francais de Psychiatric 1995. N 3. С. 14.
- ⁷ КалшедД. Внутренний мир травмы: архетипические защиты личностного духа / Пер. с англ. М., 2001. С. 20.
- ⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. Е С. 532.